

*Посвящается Дэну.
Только благодаря тебе на моем лице
каждый день расцветает улыбка.
Спасибо за твою свирепую, неослабевающую
страсть к чтению и невероятный
дух коллективизма*

Глава 1

Праздничная хандра

Рук

— **К**аковы шансы напиться на дне рождения двух трехлетних мальчуганов?

— Гм... Стремящиеся к нулю, — фырканье моей сестры сопровождалось треском неисправных колонок. — Что ты вообще забыл на детском празднике? Или это новая стратегия охмурения? Типа, девицы на тебя так и кинутся, увидев, как умело ты обращаешься с маленькими детьми? А-а, это как в зоопарке, когда мы взяли туда Макса? Помнится, не меньше пяти дамочек сунули тебе бумажки с номерами телефонов!

Это она об инциденте, имевшем место, когда я в начале лета гостил у старшего брата Кайла в Лос-Анджелесе. Племянник в самом деле действует на женщин как кошачья мята.

— Нет, Стиви, ничего подобного. Праздник устраивает для своих детей мой одноклубник, брат жены которого раньше был капитаном команды, поэтому мне стоит там появиться.

— А, ну это совершенно меняет дело. Ты сразу потушил мой интерес.

— В моей жизни вообще мало интересного. А ты? Какие у тебя планы на сегодня? — спросил я в надежде увести разговор от амурных приключений, ибо младшая сестрица прочно забрала себе в голову, что меня пора встряхнуть.

— Вечером у меня свидание, предстоит перемерить половину гардероба, решить, что надеть мне нечего, и срочно лететь за обновками.

— Как свидание? С кем? Ты давно его знаешь?

— Ох, какие знакомые интонации — прямо папашей повеяло! — не без иронии отозвалась Стиви, хотя в ее голосе слышалась печаль. Отца мы потеряли три года назад — он умер от осложнений диабета. Мы довольно дружная семья, хоть я и живу в Чикаго, брат — на Западном побережье, а сестра и мать переехали из Нью-Йорка в Лос-Анджелес — сестра в связи с учебой, а мама прошлым летом решила, что ей пора на покой, продала дом и ферму и перебралась в теплые края поближе к внуку.

— Учимся по одной программе, на семинарах сидим рядом. Зовут Джозеф.

— И когда вы начали встречаться?

— Это будет второе свидание. Кстати, о бабочках: а у тебя-то когда в последний раз что-нибудь было?

Я стиснул руль, раздраженный, что разговор вернулся в старую колею.

— Не знаю. Ну, не сто лет назад... В последнее время я очень занят.

— Все сохнешь по своему аляскинскому знакомству?

Просто бесит, что Стиви упорно называет случайным знакомством девушку, с которой я провел половину прошлого лета.

– Не надо ее так называть.

– Уже год прошел, Эр Джей! Тебе не кажется, что...

Я въехал на парковку перед океанариумом.

– Все, я приехал, мне пора. Потом поговорим, – и я нажал отбой. Я бы хотел здесь написать, что такие разговоры у нас редкость, но, к сожалению, либо Стиви, либо Кайл хоть раз в месяц да поднимут эту тему. Звали «аляскинскую девушку» Лейни – зовут, вернее, Лейни, ведь она по-прежнему где-то обретается.

Я остановился возле здорового синего пикапа, выделявшегося даже на этой парковке, битком набитой серебристыми и черными внедорожниками. Хозяин пикапа, игрок нашей команды Рэнди Баллистик, стоял, прислонившись к синему боку, и что-то набирал в телефоне.

Я выключил мотор и выбрался из машины. Рэнди нагнал меня и пошел рядом, на ходу убирая телефон в карман.

– Не ожидал тебя здесь встретить, – сказал он, поглядывая на подарки, завернутые в бумагу с рисунком на космическую тему, которые я нес под мышкой.

– Я с самого плей-оффа почти никого из наших не видел, вот и решил заехать.

Рэнди понимающе кивнул:

– Я-то пытался увильнуть, но Лили настояла. Она приехала пораньше помочь с организацией.

Рэнди и Лили были вместе столько, сколько я играл за чикагский клуб. На детей пока не решились, но уже завели собаку в качестве предварительного тренинга.

По залу океанариума бегал ребенок одного из моих одноклубников, водя на ниточке огромный шар в виде акулы и вопя во все горло. Я вообще люблю детей, и

дети хорошо меня принимают, но меня вполне устраивает роль доброго дядюшки. Я привожу племяннику классные подарки, но как только Макс заливается плачем, тут же передаю его брату или невестке и удаляюсь.

— Готовая реклама противозачаточных, — пробормотал я, когда ко мне вразвалочку подошел перемазанный шоколадом рыжий малыш с пончиком в руке. Пацаненок (явно потомок моего приятеля, шотландца Ланса Ромеро) потянулся к брючине Рэнди рукой с зажатым в ней пончиком, но промахнулся дюймов на шесть и споткнулся, запутавшись в собственных ногах.

Я подоспел вовремя и поймал малыша, прежде чем он грохнулся плашмя. Рыженький вздрогнул, выронил пончик и немедленно разрыдался.

— Эй, приятель, ты же не ушибся!

— По-ончик! — завопил он.

— Быстро поднятое... — пожал плечами Рэнди.

— Квинн! Не ешь с пола! — крикнула с другого конца зала Поппи, мамаша рыжей мелочи и супруга Ромеро.

Я присел на корточки.

— Слушай, давай выбросим этот пончик в мусорную корзину и возьмем тебе другой?

— А я хочу э-э-э-этот! — заорал рыжий мне в лицо и, бросившись на пол, разразился впечатляющей истерикой.

Подошел Ромеро.

— Что вы тут делаете с моим ребенком?

Рэнди всплеснул руками:

— Да он споткнулся и упустил свой пончик!

Ромеро поглядел на меня. Вообще он нормальный, но вспыльчивый, и я не хотел оказаться в роли искры.

— Я ему сказал, что мы сейчас другой выберем, но предложение ему не понравилось.

Ромеро поднял потомка с пола, поморщившись при виде его перемазанной физиономии.

— Квинн, приятель, так у тебя из-под носа всех девочек уведут. Пойдем-ка умоемся и найдем тебе новый пончик, договорились?

— Э-этот хочу! — мальчишка указывал на пол.

Ромеро наступил на злосчастный пончик.

— Какой?

— Ы-ы-ы! Мой по-ончик!

Ромеро поглядел на нас с Рэнди.

— Я сам этим займусь. Когда праздник закончится, мы едем в паб. Поедете?

— С детьми или без них? — не удержался Рэнди, глядя на Квинна, который рвался из отцовской хватки, вытирая шоколадные щеки о рукав его рубашки.

Ромеро вытаращил глаза:

— Конечно, без! Еще не хватало...

Он высоко поднял сына и, урча как самолет, понес Квинна в туалет.

— Эх, зря я фляжку не захватил, — вполголоса сокрушался Рэнди, наполняя пластиковый стаканчик содовой.

Я взял себе бутылку воды.

Мы перебросились парой слов с нашими ребятами, а я все высматривал Алекса Уотерса. Он подался в спортивные комментаторы, едва уйдя со льда. Камера его любит, но у Алекса достанет и опыта, и темперамента, чтобы тренировать команду, и мне было любопытно, правдивы ли слухи, что через пару лет он подумывает попробовать себя в роли тренера.

— Привет, Рук! Как дела? Здорово, что ты вернулся с Аляски как раз к празднику! — Алекс треснул меня по спине, и я с трудом сдержался, чтобы не рвануть от него. Алекс — здоровяк, и хотя он уже не играет в профессиональный хоккей, на его габаритах это никак не сказалось.

Я обнялся с ним и тоже похлопал по спине.

— Дела хорошо, осваиваюсь пока. То да се — ну, ты понимаешь. Скоро начнем подготовку к новому сезону.

— Команда в этом году в прекрасной форме. Захочешь обсудить стратегию — позвони.

Не успел я плавно перейти к своему вопросу, как подошла жена Алекса.

— Вот ты где! Можешь отвести Робби в туалет? Когда мы идем в женский, он пытается залезть на раковину и пописать туда! — Вайолет несколько натянуто улыбнулась. — Простите, что отвлекаю, но мне не надо, чтобы нас выставили из океанариума за то, что мой ребенок пугает раковину с писсуаром...

Она указала на одного из пацанов — по-моему, одного из четверых отпрысков Миллера Баттерсана. Никак не запомню их имена, к тому же перед нами был один из баттерсановских близнецов, что затрудняло дело.

— Я так и жду, что этот вот-вот отольет в какой-нибудь вазон с искусственным цветком. Летом Миллер решил, что Лиэма и Лейна лучше всего приучать к горшку, если позволить им расхаживать писью наружу и справлять нужду, где и когда приспичит. Теперь Лиэм при виде любого растения начинает стаскивать штанишки, чтобы помочиться.

— Потрясающе, — Рэнди фыркнул.

Вайолет не удержала улыбки.

— Знаю! Лиэм — лучшее, что было у меня в жизни! — Алекс кашлянул, и Вайолет вытаращила глаза: — Я говорю в смысле противовеса моим собственным унизительным моментам. В прошлые выходные мы устраивали барбекю, а Лиэм пробрался в оранжевую... Короче, там теперь масса подмоченных научных экспериментов.

— Пап, побежали, это, в мокрый хоккей сыграем? — Робби подергал Алекса за рукав, сунув другую ручонку в карман и сжимая свои причиндалы.

— Конечно, малыш! — И Алекс кивнул нам: — Мы быстро.

Они с Робби скрылись в мужском туалете. Вайолет проводила их взглядом.

— Робби любит целиться в подвесной блок с шариками. Он считает, это как играть в хоккей своей сосиской.

— А ведь верно подмечено, — одобрил Рэнди.

Минут через пять орава детей ринулась к дельфинам — видимо, предполагалась какая-то экскурсия. Мы с Рэнди, пока бездетные, направились к столу с едой. Я взял ролл с курицей и еще бутылку воды, гадая, сколько ждать поездки в паб. Судя по тому, что малышня еще не принималась за торт, получалось довольно долго.

Из толпы детей послышались вопли.

— Что там творится, черт побери?

— Откуда я знаю... Схожу проверю. А ты вон почирикай с девушками, — Рэнди кивнул на группу сотрудников океанариума, которые, сбившись в стайку, перешептывались, глаза на нас. Мы сегодня, отринув сдержанность, явились в футболках и бейсболках цветов нашей команды.

— Да мне и тут неплохо. А эти, чего доброго, вообще десятиклассницы. — Я пошел за Рэнди к аквариуму с дельфинами, заинтригованный доносившимися оттуда криками и визгами, весьма напоминавшими истерику.

— Прошу всех успокоиться! Это абсолютно нормально в брачный период! — пронзительный голос, в котором слышалась паника, показался мне знакомым. Может, кто-то из жен наших игроков?

— Вот блин, — пробормотал Рэнди. Он возвышался даже надо мной, с моими-то ста девяноста сантиметрами, и, видимо, разглядел нечто такое, чего не видно мне. Я обошел сгрудившихся у аквариума и встал сбоку. Кое-кто из мамаш прижимал к животу лица своих отпрысков, а один из мелких вопил, что в кого-то чем-то тычут. Весь этот ажиотаж и гам я отмечал краем сознания, ибо посреди моря вопящих, хохочущих и хнычущих детей стояла очень знакомая девушка в бежевой форме сотрудницы океанариума.

Лейни.

Мое «аляскинское знакомство».

Глава 2

Вся королевская рать чокнутых болельщиц...

Рук

(за четырнадцать месяцев до этого)

— Боже мой! Боже ты мо-о-о-о-ой!!!

По-моему, у меня лопнула барабанная перепонка, если учесть громкость вопля и звон в пострадавшем ухе.

Справедливости ради замечу — когда-то (но уже очень давно) я вызывал подобную реакцию благодаря своим незаурядной точности и выносливости, причем не только с клюшкой на льду. Но сейчас я направлялся в Сиэтл и сидел в самолете, ожидая окончания посадки. И пусть я не против публичного секса, я все же предпочитаю относительное уединение туалетных кабинок и прочих закутков с дверьми. Хотя дело прошлое: теперь я перевоспитавшийся жеребец общественно-туалетных стоил.

Поэтому я невольно поморщился, когда зашедшая в радостном визге плюхнулась в соседнее кресло, продолжая орать мне в ухо:

— Рук, я же тебя целую вечность не видела! Скажи, чума? Мы — и вдруг в одном самолете!

— Чума, согласен. — Мне удавалось оставаться неузнанным... до этой секунды. — А что, это твое место?

Господи, хоть бы нет!

— Нет, — девица помрачнела, но тут же расплылась в улыбке. — Мое в следующем ряду, в последнюю минуту чего-то решила доплатить за бизнес-класс... Ты один летишь? А зачем тебе в Сиэтл?

— С братом надо встретиться.

Тут я чуть покривил душой: с братом мы встречаемся в Анкоридже, но *этой* все подробности знать не обязательно. Где ж я с ней знакомился-то? Я напрягал память, силясь припомнить имя или хоть что-нибудь из истории нашего знакомства. Я ее точно где-то видел, и никаких положительных ассоциаций девица не навела.

— В Сиэтле?

Я рассеянно кивнул.